

Елена Хисматулина

СКАЗКИ ПОЗДНЕГО ДЕКАБРЯ

Елена Хисматулина
Сказки позднего декабря

«Издательские решения»

Хисматулина Е.

Сказки позднего декабря / Е. Хисматулина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518655-3

«Сказки позднего декабря» — волшебная книга для детей младшего школьного возраста. В ней всего пять историй. И в каждой всего один предновогодний день. Но какой! Случай заставляет героев то заглянуть внутрь заброшенного дома, то присмотреться к белке в витрине магазина, а то в восхищении потянуться за стеклянным шаром. Как вдруг... А то, что «вдруг», лучше прочитать в книге. Прочитать, затаив дыхание, с волнением переворачивая страницы и робко осознавая, что чудо рождается прямо на твоих глазах.

ISBN 978-5-00-518655-3

© Хисматулина Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие для родителей	6
И наступит Новый Год...	7
Когда прибудет поезд	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сказки позднего декабря

Елена Хисматулина

Корректор Екатерина Василенко

Дизайнер обложки Мария Ведищева

Иллюстратор Елена Хисматулина

Верстка Александра Соколова

© Елена Хисматулина, 2020

© Мария Ведищева, дизайн обложки, 2020

© Елена Хисматулина, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-8655-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие для родителей

Мягкие фиолетовые тени, расплзающиеся по снежным барханам, серебристый иней на ресницах, пощипывающий щеки морозец.

Или хвойный густой смолистый аромат, полные удивления и ожидания глаза, пританцовывающие от нетерпения ноги.

А может, вспотевшие от возбуждения ладошки, радостно и восторженно бьющееся сердце.

Что это? Это волшебство, сказочное очарование и потрясающая магия необыкновенного праздника – Нового года. Это волнение перед будущим, которое еще не известно, но наполнено надеждой. Это вера в лучшее и порой несбыточное. И, конечно, мандариновый запах счастья, однажды поселившийся в твоей душе и всю жизнь напоминающий о далеком беззаботном детстве.

Если твое дыхание готово сбиться всякий раз, как только с антресолей вынимается коробка с блестящими елочными шарами, если с замиранием сердца ты все еще заглядываешь под елку, если цифра двенадцать на старых часах означает для тебя не просто время, а старт в новое и неизведанное, открой эту книгу.

Открой вместе с сыном или дочкой, сидя рядышком близко-близко друг к другу. Прочитай вслух, с интересом и выражением. Так, как можешь только ты. Прочитай, чтобы твой ребенок услышал все оттенки и нюансы написанного, чтобы увидел картинки, нарисованные словами, и поверил в чудо, как когда-то давно верил в него ты...

И наступит Новый Год...

Наступил Декабрь. Каждый раз он приходил в разном настроении и, кажется, сам не знал, что вытворит на этот раз. То появлялся барином в дорогой шубе – богато-снежный, нарядный, поскрипывающий по запыленным дорожкам новехонькими блестящими башмаками, а иногда влетал большой лохматой собакой, шумно отфыркивался, стряхивал с густой шерсти короткие оттепели, вилял хвостом навстречу старому бродяге-ветру, покрывал тротуары сотнями темных наполненных влагой следов. Лишь наигравшись вдоволь, сбегал, оставляя Январю труд привести природу в подобающий зиме вид. Не раз приходил с пожитками – приколакивал за собой пышную снежную перину, небрежно раскидывал ее, заваливался сверху и откровенно ленился вплоть до Нового года.

Сенька давно присматривался к своенравному Декабрю и, честно сказать, немного завидовал. Он не раздумывая променял бы свою безрадостную школьную жизнь на возможность вот так же целый день до одури барахтаться в снегу. Но вместо виртуозного катания с горы на стертых подошвах ботинок или на ледянке животом вниз, а то и кучей-малой – сразу всей ватагой соседских мальчишек, Сеньке изо дня в день приходилось вставать и против воли тащиться в свой второй «Б» класс.

Утром он еле поднимался с кровати. К пятнадцатой минуте пробудки мама уже не могла сдерживать себя и переходила на гневный, свистящий шепот:

– Вставай, Сенька! Вставай, говорю, немедленно!

Она вытаскивала сына из-под одеяла с готовностью звонко врезать по его тощей заднице. И только необыкновенная мамина любовь и ее опасение разбудить до ночи работавшего мужа сохраняли неприкосновенность Сенькиной попы.

Сенька шлепал босыми, плоскостопными лапами по стылему полу, включал воду и ждал, пока ледяная струя не начнет заметно теплеть. Промерзшая в трубах вода неприятно брызга-

лась, от чего Сенька расстраивался, заворачивал кран и просто тыкался лбом в полотенце – это называлось сухой чисткой. Его номер мог бы иметь успех, если бы не стоящая на перехвате мама. Она молниеносно вычисляла Сенькину попытку обойтись без чистки зубов, возвращала его обратно в ванную, и тут под маминым пристальным взглядом приходилось честно елозить щеткой за щекой.

Умытый, блестящий, как начищенный самовар, но трясущийся от холода Сенька заматывался мамой в махровое полотенце и препровождался на кухню завтракать. Спустя четверть часа, поцелованный в макушку, наряженный в куртку с лохматым капюшоном и шапку-ушанку, сын снабжался ранцем и выпихивался за дверь – к знаниям, как любила повторять мама.

За порогом Сеньку ждала холодная промозглая темень. Он безнадежно вздыхал и с силой толкал примерзшую подъездную дверь, будто вцепившуюся зубами в косяк. Окунался в жгучий морозный воздух, с тоской оглядывался на светящиеся окна квартиры и понуро плелся в школу. Сенька ненавидел тот день и час, когда по наивности позволил восторженным родителям так облапошить себя – уговорить поступить в школу с шести лет. Теперь он понимал – из его беззаботного детства был безвозвратно украден целый год.

Нынешний Декабрь не радовал. Поскупился на снег, а потому было холодно, серо и пыльно. Сенька с иссякающей надеждой ждал прихода настоящей зимы.

Очередное хмурое утро голосом жизнерадостного диктора обещало то наступление циклона, то нашествие снежных бурь, но к середине дня диктор уже ни в чем не был уверен.

От общей безрадостности, а, может быть, просто от разбушевавшейся инфекции, к двадцатым числам декабря Сенька захворал. Мама пичкала полусонного сына лекарствами и мчалась на работу. Папа оставлял на столе короткие «липучие» записки, призывающие Сеньку не киснуть, пить морс и при отсутствии температуры иногда вспоминать про арифметику. К счастью, температура не думала отступать, а Сенька не препятствовал – арифметика была хуже.

Долгие дни он проводил у окна, тоскливо глядел в облака и во вторник дождался-таки снега. Но с неба посыпалась серая, жесткая, как пенопласт, крупа, и ничего праздничного в ней не было вовсе. Не выпавшее даже к полудню солнце чуть приподняло голову, выглянуло меж домов и снова спряталось в серо-сизой кутерьме. Хмурая поземка, недовольно ворча, подхватила бессильно распластанные тени, безжалостно вымела за двор, закружила по ледяной мостовой. Сенька видел, как озябший Декабрь с тоской глянул на затухающий короткий день, запахнул полы старого продуваемого холодным ветром сюртука и, кашляя, побрел вдоль стальных улиц.

К вечеру папа вернулся с елкой. Когда Сенька увидел ее, чуть не заплакал – такой она показалась облезлой и неказистой. Папа, по-видимому, сам понимал, что дерево досталось

так себе, потому неловко воткнул его в угол Сенькиной комнаты и, наспех поужинав, уселся за компьютер. Мама, домыв посуду, критически оглядела «вечнозеленое» растение, выудила не успевшего затеряться в пучинах интернета мужа, и вместе они пристроили «неудачную» елку в ведро с водой. Не удовлетворившись эффектом, хозяйственная мама полистала сборник народных рецептов, развела в чашке какие-то таблетки и вылила смесь в ведро с торчащей из него хлипкой елкой.

Поздним вечером Сеньку снова зазнобило. Он забрался под одеяло, а мама присела рядом и, пока сын не уснул, гладила теплой рукой его стриженую под ежик голову.

Сколько Сенька спал, непонятно. Проснулся от шепота и тихого хихиканья. Сперва испугался, что проспал и опоздал в школу. Но, еще не успев подумать, как же в нее, в школу то есть, не хочется, сообразил, что болеет и идти никуда не надо. В комнате было темно, приятно пахло свежей хвоей. Сенька зажмурился и впервые за последние дни улыбнулся – можно валяться, ничего не делать, и о школе до середины января даже не думать.

Вдруг шепот повторился, а мелкие смешки стали слышны совершенно отчетливо. Сенька замер, пытаясь понять, что происходит. Звук шел от елки! Сеньке показалось, что от напряжения он стал видеть и слышать в темноте, как филин. Во всяком случае, теперь он уловил шевеление на елке и уже готов был заорать от страха, как в окне показалась яркая чистая и огромная,

со смеху, представив свою солидную неторопливую бабушку лихо мчашейся и орущей со всей дури.

В беседу вступил оранжево-синий попугай с потертым поролоновым хохолком на голове. Он вряд ли по возрасту мог соперничать с Тетушкой Грушей, но тоже много лет прожил в доме. Попугай гордо поведал, что был подарен маленькому папе – Сенькиному папе – к Новому году в компании еще двух расписных собратьев. Правда, повезло им существенно меньше. Первую птицу грохнули тут же, вынимая из коробки. Очень сокрушалась бабушка, маленький папа же расстраивался недолго. Его больше привлекали не искусно раскрашенные попугаи, а их блестящие крепления-прищепки. С другом Юркой в то время они тайно готовились покорить мир, отправиться путешествовать, надеялись посетить неизведанные земли и даже познакомиться с дикими племенами. Дело было за малым. На пути к французским колониям надо было изучить язык. Крепление-прищепка возбудило папину пытливая мысль и, отодрав его от несчастной птицы, папа нацепил прищепку на Юркин нос – друг теперь-то уж точно должен был заговорить с французским прононсом. Но Юрка надежд не оправдал. Вместо того взревел маралом, в потоке брызнувших слез еле стащил с носа прищепку, от души вlepил по уху папе, и в случившейся потасовке они «добили» вторую птицу.

Сенька не мог больше сдерживаться и расхохотался, представив прищепку на носу почтенного дяди Юры – друга семьи, до сих пор часто бывающего в доме, но уже с супругой Еленой Ивановной и белобрысой дочкой Маечкой. Помирились, видать.

После попугая разговорились и другие игрушки. Никто не обращал на Сеньку внимания, а он давно, не таясь, сидел в кровати и, раскрыв уши, слушал историю за историей. Дело дошло и до него. Сенька прекрасно помнил подаренный мамой набор деревянных елочных украшений. В нем были и барабанчики, и солдатики, и лошадки со снеговиками, и домики с часами, а также невообразимый красный кот с деревянным торчащим в сторону хвостом. Теперь все они наперебой вспоминали поездки в игрушечном грузовике. Сенька сам с успехом мог рассказать о том, как, получив подарок, буквально не выпускал игрушки из рук. Мама уговаривала повесить их на елку, да куда там! Сенька возил их на пластмассовом паровозе, в большом скрипучем самосвале и в потрясающей хлебной машине с открывающейся дверцей кузова. С ней-то и вышел казус. Сенька впихнул в машину всех, кроме кота. Тот никак не хотел влезать, хвост торчал наружу, как бы ни силился Сенька втолкнуть его и закрыть на защелку дверцу машины. От отчаяния Сенька схватил кота и откусил ему деревянный хвост. Из зуба пошла кровь, слезы подступили к глазам, и Сенька готов был зареветь, но когда за бесхвостым котом легко захлопнулась дверца, а машина с надписью «Хлеб» повезла всю дружную компанию по комнате и коридору, слезы высохли сами собой. Хвост когда-то потом нашелся под шкафом. Но красный деревянный кот теперь прекрасно обходился без него и по-прежнему был звездой деревянной коллекции. Вспоминая, Сенька сам удивился, какой же невозможной бестолочью был всего два года назад. Удивился и подмигнул красному коту на елке.

А игрушки все рассказывали и рассказывали и, казалось, никак не могли наговориться. Болтали без умолку, слушая каждая саму себя. Они наскучались в коробке, а теперь, оказавшись на свободе, спешили поделиться воспоминаниями прошлых лет и насытиться новыми впечатлениями. Пузатые разноцветные шары бубнили о диете, солдатики и барабанчики пели брагурные марши, стрекозы жужжали, белки трещали про шишки на верхних ветках, куколки и матрешки мечтали о новогодних украшениях.

Вдруг попугай соскользнул с макушки. Сенька зажмурился – сейчас разобьется! Но тот в самый последний миг взмахнул синими крыльями, взлетел на верхушку елки и, как ни в чем не бывало, принялся чистить перышки, смешно поднимая и расправляя красно-оранжевый хохол на голове. У Сеньки чуть не выпали глаза от удивления. Но происходящее дальше предстало еще более необъяснимым. Елочные шары дружной вереницей принялись кататься с веток, как с горок. Доезжая вниз, легко спрыгивали, приземлялись на длинные худые ножки,

смешно топтались на месте, помогая друг другу, заново взбирались к верхушке и снова неслись гурьбой на круглых, скользких полах.

Цветные огоньки гирлянды то вспыхивали, то гасли, то мчались дружно вскачь, а то бежали в разные стороны, перемигиваясь из-под ветвей. Сенька пригляделся и был поражен – у каждого огонька были маленькие хитренькие и живые глазки. Хихикая и передразнивая собратьев, они надували щечки и выпускали радужные пузырьки. Пузырьки летели к потолку, а когда, задев иголки, лопались, по комнате разливались сотни смешинок. Зверушки на елке, куколки и солдатики – каждый старался поймать хоть одну. Сенька тоже высунул язык и нахватался смешинок, которые во рту устроили настоящий салют – взрывались и наполняли голову какой-то несусветной, но ужасно веселой чушью.

Со смешинками комната быстро наполнилась радостью, весельем и ощущением легкости. Сенька внезапно понял, что на его глазах родилось настоящее новогоднее Настроение. И как только понял, увидел его сидящим на шкафу. Сенька, немного стесняясь, поздоровался. Настроение расплылось в улыбке, достало из кармана леденец и бросило его прямо Сеньке в руки. Тот открыл рот от удивления, а леденец юркнул за щеку и заурчал, словно кот. Странно, но очень приятно было чувствовать во рту этот ласковый и сладкий смородиновый вкус.

Пока на елке творилось неизвестно что и это не поддавалось никакому порядку, Тетушка Груша продолжала рассказывать свои истории и так увлеклась повествованием, что сама себе начала задавать вопросы. На заданные вопросы она получала от самой себя увлекательнейшие ответы, и беседа так заинтересовала ее, что Тетушка Груша едва не потеряла равновесие, когда мимо нее с визгом и хохотом промчалась ватага елочных шаров. Тут Груша прищурила глаза, пригляделась и поняла, что праздник в самом разгаре, а она заболталась, как всегда, и многое, по-видимому, пропустила. Извиняясь и придерживаясь за ветки, она осторожно спустилась, толстенькой ножкой робко нащупала пол и аккуратно слезла, одернув широкую юбку. Она была хорошо воспитана и вовсе не склонна к шалостям, но общее ночное веселье заставило и ее сделать нечто замечательное.

Тетушка Груша углядела под Сенькиной кроватью лохматые собачьи тапки, всунула в тапки одну ножку, другую, и шажок за шажком двинулась вокруг елки, страшно довольная своей придумкой. Но если чудеса случаются, то чудят даже тапки. Сенька аж подпрыгнул, когда они вдруг залаяли. А Тетушка Груша завизжала, подхватила подол и с необычайной живостью кинулась от тапок прочь.

Тапки, не ожидая от почтенной дамы такой прыти, опешили, но, секунду спустя, кинулись следом. Груша неслась вокруг елки и верещала что есть мочи. Тапки с лаем и взвизгами мчались за ней.

Сенька валялся от хохота и не мог ничего с собой поделать. Пробегая очередной раз мимо кровати, Тетушка Груша уцепилась за край одеяла, взобралась с завидной проворностью, ущипнула рыдающего от смеха Сеньку, уселась и долго обмахивалась ручками, пытаясь остыть после безумной гонки.

Сенька забыл про сон, про болезнь, про все на свете. Он не мог даже представить, что ночью в его комнате могут твориться такие чудеса! Он взглянул на болтающее ногами удивительно прекрасное Настроение и помахал ему, как близкому приятелю. Настроение подмигнуло в ответ и, словно банное полотенце, подтянуло к себе и навертело чалмой на голову лунный свет. А потом также легко распустило и откинуло его в сторону окна.

Лунный свет озарил ночь, и за стеклом в бархатно синем сафьяне ночи все увидели пышные крупные снежинки, плавно парящие с неба. Они летели как мягкие распушенные перышки, будто стая белых гусей взмахнула широкими крыльями и сбросила на землю неж-

ный невесомый пух. Они летели, как подхваченные ветром сотни белых одуванчиков, созревших на небесной поляне и щедро подаренных земле. Их было такое множество, что, казалось, Млечный путь проложил свое новое направление, и теперь Сенькина комната, Сенькин дом с двором и весь город оказались внутри звездной гущи, в центре этого медленного, плавного, завораживающего, волшебного кружения. Сенька, добрый друг Настроение, Тетушка Груша, Попугай, шары, игрушки и даже собачьи тапки – все зачарованно смотрели на новогодний снегопад и не могли оторвать глаз.

А внизу, на детской площадке, расстегнув дорогую меховую шубу, весь от шапки до подола покрытый снегом, важный и немного вальяжный Декабрь выгуливал свору белых борзых. Прекрасные породистые псы бегали по двору, барахтались в снегу, тыкались длинными умными мордами в шубу хозяина. А тот гладил их головы, спины, легонько похлопывал по бокам, и обласканные Декабрем снежные псы, опережая друг друга, мчались по площадке, крепкими лапами вздымая вверх едва осевший снег.

У Сеньки от этой красоты чуть не остановилось дыхание. Ему так захотелось разбудить маму с папой, показать играющих во дворе собак, чарующий мягкий снегопад, струящийся лунный свет. Сенька чувствовал, что эта необыкновенная ночь заставила его детское сердце вырасти, душу раскрыться, и потому он уже не мог позволить себе стать единственным свидетелем рождения чуда.

Сенька с трудом оторвался от окна, медленно, почему-то невозможно тяжело передвигая ноги, направился в спальню к родителям и... открыл глаза.

Рядом на кровати сидела мама и гладила его по голове. Сквозь окно сиял новый, яркий, довольный от свежеснежавшегося снега день. От его белизны хотелось петь во все горло. Сенька перевел взгляд на елку. Она распустилась, распушилась, и узнать в этой красавице вчерашнюю тощую и неказистую было просто невозможно. Игрушки висели на своих местах, умытые и нарядные. А на шкафу (Сенька с надеждой глянул) было пусто. Но почему-то он знал, что хорошее Настроение никуда не ушло.

Под елкой непонятным образом оказались тапки, на которые, видимо, ночью соскользнула, но не разбилась, крупная желтая груша. Мама поцеловала Сеньку в лоб, разворошила волосы, а потом подошла и привесила грушу на место, заметив, что тапки, к счастью, спасли ее хрупкую елочную жизнь. «Ох, знала бы ты, мама, что с Тетушкой Грушей и тапками было на самом деле!» – подумал про себя Сенька и прыснул от смеха.

– Вставай, бесенок. Температура упала, ты с утра веселишься, значит, дело на поправку пошло. Вставай, матросик! Не успеешь оглянуться, как наступит Новый год, – мама ласково посмотрела на сына. Сенька с удовольствием потянулся, зевнул и увидел, что новогоднее Настроение, улыбаясь от уха до уха, выглядывает из-за ее спины.

Декабрь 2014 года

Когда прибудет поезд

С приходом декабря город начал наполняться елками. Они все прибывали и прибывали, располагаясь на площадях, обживая улицы и заполняя магазины. Возвращаясь из школы, Данька медленно брел среди елок и мечтал о новогоднем подарке. О красиво упакованном настоящем подарке от Деда Мороза! Правда, теперь, в свои десять с половиной лет, Данька верил в чудо все меньше.

Проходя мимо шубного магазина, разглядел в витрине чучело белки. Данька остановился и с жалостью посмотрел в ее блестящие стеклянные глазки.

И почему люди не могут обойтись без шуб? Не успел Данька додумать свою мысль, как белка вдруг повернула головку, махнула хвостиком и проворно спустилась вниз по ветке. Данька задохнулся от неожиданности.

– Ты видел? Ты тоже видел?! – услышал он за спиной.

Рядом с Данькой стояла девчонка. Глаза ее, казалось, готовы были выпрыгнуть и сбежать, как эта белка. В ту же секунду девчонка схватила Даньку за рукав и потащила в магазин.

Охранник наверняка не пустил бы их, но на выходе пышная дама пыталась протиснуться с огромным пакетом в узкую дверь. Увидев детей, она сделала шаг назад и случайно наступила охраннику на ногу. Тот взлетел к потолку, взыв от боли, и ненадолго потерял бдительность. Ребята тут же юркнули внутрь и промчались вглубь зала.

– Она под вешалки сбежала, – зашептала девчонка Даньке в ухо. От этой девчонки с ума можно было сойти! Она даже не спрашивала, хочет ли Данька носиться с ней по магазину и искать непонятным образом ожившую белку. Может быть, им это вообще показалось? Может быть, белка просто упала с ветки?

– Да она точно ожила, точно! А потом сюда рванула! – настаивала девчонка.

Данька понял, что спорить бесполезно, протиснулся между шубами и заглянул под вешалки. Девчонка тоже шарила безумными глазами по полу, но в темноте ничего не было видно. Данька начал пробираться вперед, запнулся и вместе с горой шуб полетел на пол. Падая, схватился за что-то твердое, а когда присмотрелся, вопль ужаса застрял у Даньки в горле. Рукой он держался за лосиный рог. Живого огромного лося, прятавшегося в глубине шубного магазина!

Лось, видимо, тоже оторопел. Фыркнул, как обычная домашняя лошадь, и попятился назад. Широкой попой он уперся в стену, поднажал, и за ним внезапно распахнулась дверь.

Потеряв опору, лось с грохотом вывалился в проем, но быстро вскочил на ноги, вдохнул студень воздух и унесся прочь. На левом роге его болталась Данькина вязаная рукавица.

Следом за лосем в дверь прошмыгнула и разыскиваемая белка. Она в несколько прыжков достигла ближайшего дерева, ловко взобралась к вершине, оттолкнулась и легко перелетела на следующее. Дальше ее было уже не догнать.

– Чудеса! – смешная конопатая девчонка была тут как тут. – А где ты лось-то взял? – стала допытываться она.

– Да я упал на него. Представляешь, лось в магазине!

Дети потоптались, разглядывая следы на снегу, а когда собрались вернуться, вместо двери, да и самого магазина, сплошной стеной стоял лес.

– А где дверь-то, дверь-то где? – закудаhtала девчонка и пустила слезу.

– погоди, она должна быть где-то здесь.

– Где здесь-то? Видишь, ни магазина, ни двери. Это лес... Мы в лесу! Понимаешь, мы с тобой в лесу! – тараторила девчонка, бегая меж елок, раздвигая их ветви и все больше пугаясь своего открытия.

Данька не мог понять, как такое могло случиться? Шел из школы обычной дорогой, белку в витрине увидел, девчонку эту безумную встретил, лось в шубах нашел. Разве кому расска-

жешь? И кому вообще это сейчас можно рассказать, если они неизвестно где? В лесу, в натуральном лесу!

– Не реви, перестань! Лучше скажи, как тебя зовут.

– Лена-а-а, – размазывая слезы по щекам, протянула девчонка.

– Пойдем.

– Куда пойдем? Надо здесь оставаться, чтобы нас нашли!

– Да кто нас найдет? Были в центре города, а вышли в дверь и... Теперь ни двери, ни города! Одни следы сумасшедшего лося.

– Почему сумасшедшего? – услышали дети за спиной и резко обернулись.

Буквально рядом с ними стоял незнакомец. На нем была шляпа с небольшими полями и пером, толстые вязаные гольфы и лыжные ботинки.

– А как вы..., как сюда..., мы попали..., – не могла найти нужных слов Ленка.

Но мужчина, казалось, и не слышал ее слов.

– Здесь поселок недалеко, идите за мной, след... нет, след в след не получится. Просто идите за мной, – предложил дядька и зашагал вперед.

Данька двинулся первым и понял, почему след в след не получится. Следов-то и не было. Данька вспотел от страха, как мышь. Хотел сказать Ленке, что все это нечисто и надо бежать, но почувствовал запах свежего хлеба. Желудок у Даньки тут же завязало узлом. Он вспомнил, что не обедал сегодня.

Дядька остановился, снял шляпу и сдул снежинки. При этом снег слетел даже со стоящих рядом елей. Дядька ухмыльнулся в усы, набрал в легкие побольше воздуха и дунул так, что елки раздвинулись, открыв вид на небольшой поселок.

Данька оглянулся на Ленку, но она вдруг вытаращила глаза и замахала руками, как ветряная мельница. Данька повернулся обратно и увидел перед собой две пары лыж:

– А где мужик-то?

– А он фи-и-ить, и все, – глупо улыбаясь, проговорила Ленка.

– Что значит «фи-ить»? – рассердился Данька.

– А то и значит. Исчез. Сначала башмаки с гольфами, а потом и усы со шляпой. И перо улетело. Во-он туда, – Ленка говорила, а ее нижняя челюсть мелко дрожала...

– Чушь какая-то, – чтобы не показать свою растерянность, Данька присел и расстегнул крепления.

Как только ребята надели лыжи, те сами заскользили меж деревьев. Лена от неожиданности завизжала и чуть не упала. Данька едва успел схватить ее за воротник. А дальше лыжи набрали скорость и помчали детей по склону. Сделав головокружительный вираж, нырнули вниз и через минуту выехали на пустырь перед поселком. Сердце Даньки колотилось, как барабанные палочки. А бледная Ленка рухнула в снег и не могла подняться – ноги не слушались.

Из поселка слышался лай. Данька увидел, как большие лохматые псы несутся им навстречу. Из-под мощных лап снег веером разлетался в стороны, и казалось, что приближаются не собаки, а внезапно налетевшая метель. Разгоряченные бегом псы чуть не сбили Даньку с ног, но, когда кинулись ластиться и ласкаться, Данька добровольно плюхнулся рядом с Ленкой. Смеясь, дети пытались увернуться от облизывающих их дружелюбных и веселых собачьих морд. Недавний страх куда-то улетучился, а на душе стало тепло. Вывалянные в снегу ребята вместе с собаками направились к околице.

Поселок оказался скорее городком – уютным и нарядным. У ближайшего дома женщина в валенках и тулупе, расчищая снег, что-то напевала и даже приплясывала. Увидев детей, она воткнула лопату в снег:

- Ой, какие гости у нас заснеженные! Вас никак Ветер привел?
- Ветер? Какой ветер?
- Да известно какой – попутный! – рассмеялась женщина. – Это ведь он вам дорогу показал? Опять по ельнику бродит, снег с елок сдувает?
- Так это Ветер был? – удивились дети.

– Конечно. Появляется неизвестно откуда, исчезает неизвестно куда. Вроде рядом был, а через мгновение и след простыл.

Женщина открыла калитку и пригласила обогреться. Собаки, играя и подпрыгивая, помчались дальше по улице, а дети с удовольствием вошли в жарко натопленный дом. С порога пахло сдобой и еще чем-то необычным. Ленка повела носом:

– У вас лаком для ногтей пахнет?

– Не лаком, – рассмеялась хозяйка. – Красками.

Женщина отдернула занавеску, и ребята увидели комнату, от пола до потолка наполненную елочными игрушками. От яркого света заискрились серебром стеклянные сосульки, запылали жаром красные и золотые шары, засверкали сапфирами бусы на длинных нитях. Каждая игрушка была расписана, присыпана снежной пудрой, украшена блестящим бисером.

– Какая красоти-и-ща! Откуда у вас столько всего-о-о? – зачарованно протянула Лена.

– Муж мой делает. Он и придумщик, и художник, и мастер-стеклодув.

– А потом продаете? – полюбопытствовала Ленка.

– Не-ет, так отдаем. Скоро машина придет и на станцию отвезет, к Деду Морозу.

Лена с Данькой насупились. Все дети знают, что никакого Деда Мороза не существует. А хозяйка говорит с ними, как с маленькими. Хотя... Во все, что с ними сегодня происходило, тоже нельзя было поверить. Поэтому спорить не стали, быстро попили чай и засобирались в дорогу. Женщина помогла ребятам надеть просохшую на печи одежду и проводила до калитки.

Вдоль улицы дымили трубами празднично украшенные домики. Морозный воздух был наполнен ароматом имбирных пряников, а на деревьях, будто спелые яблоки, висели елочные шары. Запряженные оленями повозки по очереди объезжали дома. Солидные красавцы-пекари в крахмальных колпаках и опрятные хозяйки в кружевных фартуках вывозили тележки, полные расписных пряников и печенья. Угощение с осторожностью загружали в повозки и везли на станцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.